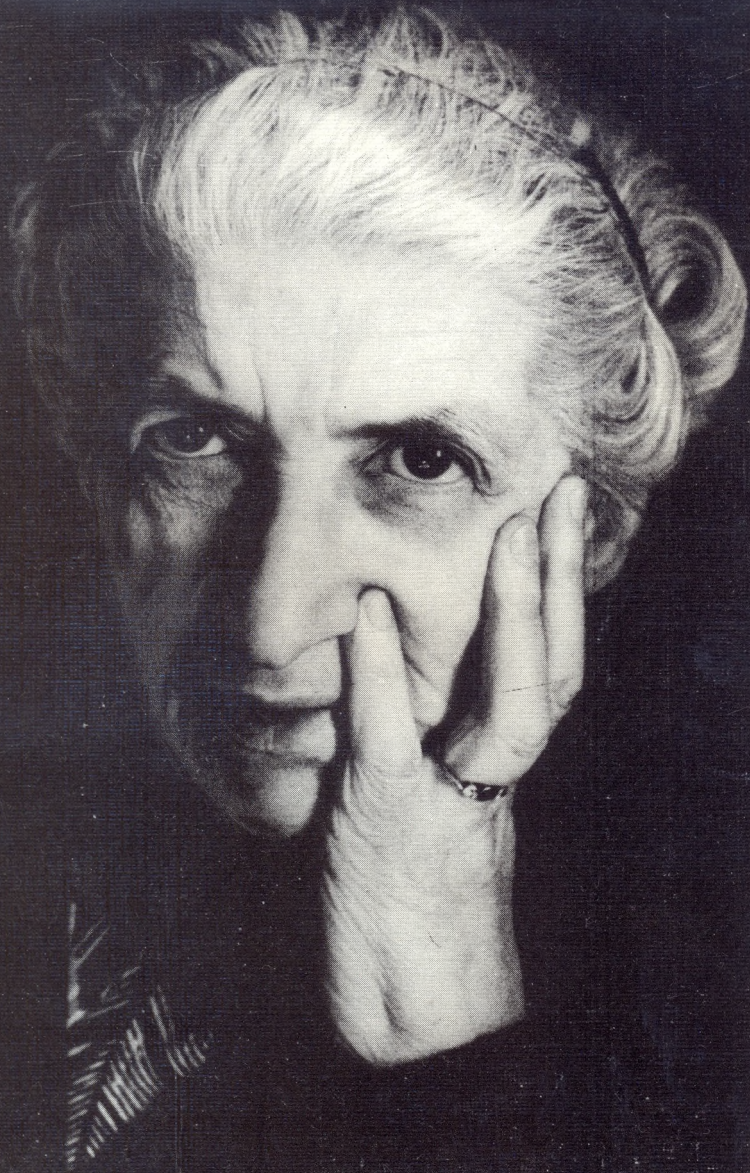

ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ Стихотворения

ЛИДИЯ
ЧУКОВСКАЯ
Стихотворения

МОСКВА • ГОРИЗОНТ • 1992

ББК 84Р1—44

Ч-88

И вот на посмешище мира,
Смущенье свое не тай,
Выходит не жуда, не мира,
А жизнь прожитая моя.

Все подчистую украли.

Все по листочку сожгли.

Не в карты ль мене проиграли?

Не хитрей ли извели?

1977-1990

I

* * *

М.

...А то во сне придет и сядет
Тихонько за столом моим.
Страницы бережно разгладит
Узорным ножиком своим.
Себе навстречу улыбнется.
То к полкам книжным подойдет,
То снова над столом нагнется,
Очки протрет, перо возьмет...
И я проснусь, похолодею,
В пустую брошенная тьму.
Никак тебя не одолею —
Сердцебиенье не уйму.

1938

* * *

Бессонницу благославляю.
Утраченной жизни черты
Отчетливей я различаю
При свете ночной темноты.

Ну что же сказать в оправданье?
Она не из легких была.
А впрочем, к чему причитанья?
И то хорошо, что прошла.

И вот уже стонет четыре
Сквозь чей-то соседский уют.
А тени в предутреннем мире
Шатаются, шепчут, живут.

1940

Ленинград

* * *

Вот и кончился отдых. Опять я в миру, на ветру.
В бездорожном пути.

Снова жадная жизнь затевает двойную игру.
Не спастись, не уйти.

Чем попотчует нынче? Какое еще поднесет
Неизвестное блюдо с приправой родной клеветы?
В чьем бреду окровавленном и кого оболжет и сожрет?
Как названье грядущей беды?

Впрочем, может быть, лучше не спрашивать,
лучше не знать.

Нам ли с будущим ведаться! Лучше я свет погашу.
Мне бы только уснуть, только б спать.

Спать иди, мое завтра! Я подушкой тебя придушу.

1940

ОТВЕТ

Л. А.

Неправда, не застлан слезами!
В слезах обостряется взгляд.
И зорче мы видим глазами,
Когда на них слезы горят.
Не стану ни слушать, ни спорить.
Живи в темноте,— но не смей
Бесмысленным словом позорить
Заплаканной правды моей.
А впрочем, она не заметит,
Поешь ли ты иль не поешь.
Спокойным забвением встретит
Твою громогласную ложь.

1940

* * *

Нам слово *гибель*, узкое и злое,
Привычней слов: *письмо, береза, дом*.
Оно свое, оно как хлеб родное —
Ведь запросто мы с гибелью живем.

Надеешься еще? Оставь, не лги.
Возлюбленный погиб, Париж погиб.

Но я хочу, чтоб тот, кто сир и слаб
В непроницаемой слепогромной мгле
Уныло бродит, полоумный раб,
По кровью друга политой земле,—

Чтоб каждый знал — иной настанет час,
Час гибели всего, что губит нас.

1940

* * *

М.

Консервы на углу давали.
Мальчишки путались в ногах.
Неправду рупоры орали.
Пыль оседала на губах.

Я шла к Неве припомнить ночи,
Проплаканные у реки.
Твоей гробнице глянуть в очи,
Измерить глубину тоски.

О, как сегодня глубока,
Моя река, моя тоска!

1939

* * *

М.

Быть может, эта береза
Из милого выросла тела.
Так нежно она лепетала
Над бедной моей головой.
Быть может, босая девчонка
Твоими глазами глядела,
Когда, надышавшись морем,
Я возвращалась домой.

По эту сторону смерти,
Рукою держась за сердце,
По эту сторону смерти
Я вести торжественной жду.
Я слышу памяти шорох,
Я слышу цоканье белок.
Такая бывает ясность
Сознания — только в бреду.

1940

Ольгино

II

* * *

Н. Д.

«Я рад, что Вы еще в тепле»,—
Мне друг мой написал.
Теперь мой друг лежит в земле
И как мне холодно в тепле —
 Когда б он знал...

1941

* * *

Опять уходит за порог
Мое дитя, мое живое счастье,
В открытый мир, в зловещий топот ног,
Под пули, в голод и ненастье.
Я не хочу в который раз познать,
В который раз! всю злую власть бесчинства.
В слезах озлобленных проклясть опять
Бессилье мысли, тщетность материнства.

* * *

Будто бы под наркозом
(Мир, как тогда, невесом)
Вижу, вижу сквозь слезы
Сбывшийся дурной сон.

Жарких твоих заборов
Засиженный мухами ад.
Пьяных твоих разговоров
Охотнорядский яд.

Я не могу очнуться —
Чисто́поль, Чистопо́ль.
Не в Каму ли окунуться,
Чтоб заморозить боль?

Какая-то ахиня.
Я теплюсь едва-едва.
Мертвея и цепеня.
При чем же тут Кама? Нева!

сентябрь 1941
Чистополь

* * *

Как странно, есть еще живые.
Руками машут, говорят,
Большие, шумные такие,
И не лежат, и не молчат.
Цел мостик, речка вольно плещет,
Туман, где хочет, там плывет.
И не от ужаса трепещет —
От ветра! — тополь у ворот.

декабрь 1941

Ташкент

* * *

Ташкентские розы в кокетливо-хрупком снегу.
Минутной зимы ледяные блестят небылицы.
Но я на красивое больше смотреть не могу.
Кошунственна эта лазурь, лепестки и ресницы!

январь 1942

* * *

Уже ни о чем на свете,
Пожалуй, нельзя говорить.
Уже обо всем на свете
Следует помолчать.
Это счастливые люди
С горя могли пить
Или кричать от боли,
Или стихами стонать.

май 1942

Ну что ж, приходи, приходи, я тебя поджидаю.
Все щурюсь на солнце — не выйдешь ли из-за угла.
Как жаль, что ни дня, ни недели я точно не знаю.
Я бы письма любимые к этому сроку сожгла.
Их пепла не бойся: опущено знамя разлуки.
Я только спрошу: не обидишь? — и сразу отдам
Усталые руки, уже усмиренные руки
Твоим молодым, побелевшим от горя губам.

1942

Ташкент

* * *

Вишни все в цвету. Весна.

Ах, такие молодые
И уже совсем седые,
Эти вишни у окна.

Не весна. Война.

апрель 1943

* * *

На чужой земле умереть легко.
Чужая земля не держит.
Ни в окне огоньком, ни во ржи васильком,
Ни памятью, ни надеждой.
Только жить нельзя на чужой земле.
Недаром она чужая.
Звёздами, как дитя, разыгралась во мгле.
О горе твоём — не зная.

Ташкент

БЕССМЕРТИЕ

М.

1

И снова карточка твоя
Колдует на столе.
Как долго дружен ты со мной,
Ты, отданный земле.
Уж сколько раз звала я смерть
В холодное жилье.
Но мне мешает умереть
Бессмертие твое.

2

Ты нищих шлешь, но и они немеют.
Молчат под окнами, молчанием казня.
И о тебе мне рассказать не смеют
И молча хлеба просят у меня.

3

Но пока я туда не войду,
Я покоя нигде не найду.

А когда я войду туда —
Вся из камня войду, изо льда —

Твой фонарик, тот, заводной,
Ключик твой от двери входной,

Тень от тени твоей, луч луча —
Под кровавой пятой сургуча.

июнь 1943

* * *

Оно ведь с тобою, твое безысходное счастье.
Его синевою и полночь чужая горит.
И бьется и дышит оно сквозь беду и ненастье.
Оно неприступно. Оно Ленинградом стоит.

январь 1943

* * *

Я никогда не вернусь домой.
Никогда. Ни за что на свете.
Снова увидеть город мой
После всего, что случилось с тобой
И с ним. Видеть стены эти...

Я никогда не вернусь домой —
При жизни. Но из могилы —
Мертвая, равная, в город мой
Я притащусь к двери родной,
Воздух целуя милый.

март 1942

ОСЕНЬ

Только все совершив, что положено
Совершить на земле под луной,
Можно ласково так, бестревожно,
Щедро так отходить на покой.

Тишину охраняет снотворная,
Золотая арыков молва.
И стоит над землей лучезарная,
Над горами склоненная, добрая,
Утешительница синева.

Но ни памяти, ни суровости,
Не зажить, не смягчиться в тепле.
Детским почерком страшные новости
Пишут тени на светлой земле,

Словно письма оттуда... И пыльные
Так зловеще молчат тополя,
Словно памятники надмогильные
Впрок воздвигла и эта земля.

август-сентябрь 1943

В ТИФУ

«И твердые ласточки круглых бровей...»
Не надо. Не надо. Не надо.
«Сказать, что они отлежались в своей...»
Какая от слез прохлада!
Какая отрада — сквозь лютый зной
Схватиться за слово поэта,
Чтоб строки на север вели за собой
К могиле, затерянной где-то.

1942-1943

Ташкент

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

1

Они тогда еще живыми были,
Те мальчики, те сверстники мои.
Их навсегда еще не разбудили.
По улицам немым не провели.
И мы тогда еще живыми были.
Не вдовами, не совами в ночи.
Тогда еще нас не приворожили
Бессонных окон желтые лучи.
Мы, кажется, тогда живыми были...
Но что же ты? о чем ты? замолчи.
Пиши о детстве, если ты не хочешь
Свихнуть с ума. Не то смотри — вот-вот
Подпрыгнешь ты, заблещешь, захохочешь,
Заплачешь в голос и махнешь в пролет.
Лицом в слезах о каменные плиты,
Как, помнишь, Гаршин — бедный, дорогой —
Не камнями, но казнями убитый, —
Лицом в слезах о камни мостовой.
Пиши о детстве. «Ковш душевной глубины»
Прижми к губам и медленно тяни
Сквозь немотой обугленные губы
Студеные, все в невских льдинках, дни.

Мы были во второй ступени.
 Был пуст и ветрен город наш,
 Гряздой обросшие ступени
 Нас приводили в Эрмитаж.
 Под черной пяткой великана —
 Не пятка, мощная скала —
 Стрелой зеленой стойко, прямо
 Травинка нежная росла.
 Плечами двери отворяли,
 В потемках пялили глаза,
 И вот в огромном тихом зале
 Уже стихают голоса.
 Мы на картины не смотрели.
 Мы плохо разбирались в них.
 Мы на диванчиках сидели
 Под строгим взглядом сторожих.
 Смешны нам были: связки зайцев,
 Младенцев щеки, шлейфы дам,
 Прозрачность длинных тонких пальцев...
 («Так не бывает никогда.»)
 Что с нас возьмешь? Мы были дети.
 Ведь только что, вон там, внизу,
 Во дворике возле мечети
 Мы собирали бирюзу.
 И здесь нам нравились: карнизы
 И позолота на дверях,
 Паркет, зеркала и вазы,
 Тарелки в птицах и цветах.
 Но что-то медленно сочилось,
 Учило думать и гадать,
 Оказанное нам как милость,
 Сошедшее как благодать.

Я помню день, минуту даже,
Хоть года и не назову:
От Леонардо в Эрмитаже
Я вдруг увидела Неву.
Она была в суровой раме
Окна. Она была не та,
Что только что шумела с нами,
Плюясь и пенясь у моста.
Рекою Пушкина и Блока,
Гравюрой, образом судьбы
Она раскинулась широко,
Поеживаясь одиноко
От дальней пушечной пальбы.

3

За окном осталась Нева.
Я уже не смотрю на нее.
Предо мною стоит синева —
Как же я не видала ее?
Синева итальянских гор,
Милой жизни синий простор.

Мы потом поедem туда,
Кончим школу — поедem туда,
Мы всем классом поедem туда.
Непременно поедem туда.
Это будущего глаза —
Эти ясные небеса.

В синем облаке склоны гор.
И она синевой залита.
Над младенцем склонила пробор,
Наклонила лицо чистота.
Над младенцем склонила взор,
Вся в блаженстве небес и гор.

Ножки бархатные у него.
Вот бы нам искупать его.
Вот бы нам домой его,
Насовсем, навсегда его.
Тихо, тихо глядит она,
Тише, чем сама тишина.

Унеси же его, унеси,
Что же ты сидишь и глядишь?
От бессонных убийц спаси,
Будет распят твой милый малыш!
В синеву свою заверни
Эти маленькие ступни.

Ты горами его заслони,
А не то найдут и распнут.
Эти маленькие ступни
Заржавелые гвозди проткнут.
Зарыдает твоя любовь:
Это ржавчина или кровь?

Ничего не сказала ей,
Я еще не знала тогда,
Не видала еще детей,
Чьи глаза — не глаза — города.
В этих, видишь, Воронеж горит.
Из пожарищ они глядят.
Эти — оледенели. Молчит
Город-морг, молчит Ленинград.

Ежедневные торжества
Азиатских пустых небес,
Соловьиная синева
И снегов на вершинах блеск —

Это новая рана им,
Им потерянным, им ничьим,
Им, не мертвым и не живым,
Недобитым детям твоим.

4

Там лестница влажной прохладой
За плечи меня обоймет
И важной своей колоннадой
Спокойно наверх поведет.
Хранитель богинь и героев,
И мумий, и звонких могил,
Он летом, средь пыли и зноя,
Хранителем холода был.
Оставив шпаргалки, зачеты,
Я в сумрак его прихожу,
Все кажется встречу кого-то,
И как-то без толку брожу.
И лестницы тяжкой ступени,
Колонн неподвижный полет,
Томит и глаза и колени,
Как в будущее восход.

Паркеты скрипят под ногою.
В Италию я не вошла.
Не веришь за окнами зною,
Такая в Испании мгла.
В коричневой тьме инквизиций
Угрюмый покоится зал.
Мадонны одной бледнолицей
Меня удержали глаза.

Ей даже воздух тронуть больно.
Бровям печали не поднять.
Я отодвинулась невольно
Мир от нее не заслонять.

Опущены глаза, но видят:
Дорогу, видят, воронье,
Людей, которые обидят
Упрянца милого ее.
В бессонном сне ей снятся, снятся
Следы в пыли и вой камней.
Ей тоже, кажется, семнадцать,
Не больше, кажется, чем мне,—
Но в тьме такое разглядела,
Такое видит впереди,
Что сына худенькое тело
Не смеет прижимать к груди.
Над сыном цепенеют пальцы —
Любимого нельзя спасти —
Напрасно худенькое тельце
Ты станешь прижимать к груди.

Расслышала ль она молчанье
Ночей — там, у ворот тюрьмы,—
Где в тайном чаянье прощанья
Год молча простояли мы?
Машины каждую минуту
Сворачивали от моста,
И кто-то прошептал кому-то:
«Опять сюда. Опять сюда».

Сюда... И, нас пронзив огнями,
Бесшумно замедляет ход...
Не ты, не ты ли вместе с нами
Молчала около ворот?
Она томится без названья
Та гибель, та немая ночь...
И бомбам не взорвать молчанья!
Молчать невмочь и петь невмочь.

Я помню осенью на Каме
Почтовый ящик над рекой,
С облупленными боками,
Весь вылинявший такой,
И вдруг старуха закрестилась
И перед ним на мостовой
В пыль на колени опустилась —
Она ему, ему молилась,
Письма просила у него.

И я готова помолиться
И ящику, и небесам,
И тополям, и вольным птицам,
И мертвых светлым голосам —
О жизни мальчика родного,
Увиденного в раннем сне,
Младенце-Слово, Боге-Слово...
В какой сейчас он стороне?
Не он ли там, вдоль стен из глины
Бредет все голоден, все бос?
Хлебнуть от мутных вод чужбины
Ему сегодня довелось.
Но я не верю, я не знаю,
Не верю в крест, не верю в меч.
К тебе я руки простираю,
О, человеческая речь!
Вот он бредет, усталый мальчик...
О чем заводит песню он?
Что если б этот мальчик-с-пальчик
К спасенью был приговорен?

1943-1944

Ташкент-Москва-Ленинград-Москва

III

В МЕТРО

Из туннеля как дух вырывается
Настигаемый грохотом свет.
Вот он мечется, вот растворяется,
Растворился, его уже нет.
Знаю все, знаю слово: губительно.
Но не надо меня утешать.
Только б светом, вот так же стремительно
Перед жизнью твоей пробежать.

сентябрь 1944

* * *

Уже я предалась покою,
Снежку, безделию, делам.
Уж различаю под землею
Все станции по фонарям,
Уже я впрямь москвичкой стала.
Да, «мой удел на все похож»;
Цитаты: «сердце уставало»
И: «сердце мне сломила ложь»,—
А ты опять начать сначала
Судьбу высокую зовешь.

Моя судьба тобой творима —
Так было, так и будет впредь.
Но я молю: «Да идет мимо!
Пусть, если можно, идет мимо!»

Но нет. Судьбы не одолеть.

январь-февраль 1944
Москва

* * *

В трамвае, запечатанном морозом,
Я ехала сквозь ругань, сквозь Москву
(Авоськи, спины, злость, толчки, угрозы)
И все-таки мечтаю наяву —
Что если бы — вот только дверь открою! —
А там полно и мачт и парусов,
И сосны темные и море вновь со мною.
И ветер — брат убитых голосов!

февраль 1945
Москва

* * *

Как на ладони, как на блюде,
Одoleвая забытьe,
Вдруг поднесли чужие люди
Мне детство зимнее мое,
Я их об этом не просила,
Ни пианиста, ни кларнет,
Но музыка сама включила
Над прошлым стосвечевый свет —
И звуки, щупая дорогу,
Как фары, иглами огней,
Нашли полянку-недогрогу
И тишину и след саней.

февраль 1959

* * *

Переулками в библиотеку
Ранним утром по́ снегу иду.
Много ли и надо человеку!
На минуту позабыть беду,
Увидать, какой земля укрылась
Неприкосновенной белизной...
Ты не тай, останься, сделай милость,
Белый снег, еще побудь со мной!

Варежку сниму. Сугроб поглажу.
Будто детство и лесная тишь.
Весь в сугробах, в солнце весь овражек.
Хлопанье и быстрый посвист лыж.

1946

* * *

Изранены крылья, повисли,
Глаза не хотят, не глядят...
И вдруг, как предчувствие мысли,
Румянцевский добрый фасад.
Под маленькой лампой зеленой,
В свечении лиц и страниц,
Я снова очнусь окрыленной,
Полету не зная границ.

март 1945

* * *

Слово *мир* — а на душе тревога.
Слово *радость* — на душе ни звука.
Что же ты, побойся, сердце, Бога,
Разумеешь только слово — *мука*?

Все стучишь: крута зима в Нарыме.
Бухенвальд, Норильск, Тайшет, Освенцим.
Если б можно было память вынуть,
Не рассказывать про это детям!

Но без ладанки стучится в грудь —
Память, трепет, пепел: не забудь!

май 1945

* * *

Среди площадной и растленной —
Из всех рупоров, наизусть!..
Ты вправду бываешь надменной,
Лишенная голоса грусть.
Беззвучна — а громче салюта.
Ты жизнь обняла, как вода,—
Глубокой печали минута,
Пока я жива — навсегда.

март 1945

* * *

Мы расскажем, мы еще расскажем,
Мы возьмем и эту высоту,
Перед тем, как мы в могилу ляжем,
Обо всем, что совершилось тут.

И черный струп воспоминанья
С души без боли упадет,
И самой немоты названье
Ликуя рот произнесет.

1944

* * *

Теперь я старше и учней стала
И прятаться умею от тоски.
А может и она слегка устала,
И ей за мной гоняться — не с руки.
Как бы там ни было, мы разминулись с нею,
И я о том, конечно, не жалею.

Но было что-то доблестное в ней,
Пронзительное что-то и живое,
Как зыбкой ночью очерк кораблей...
Сказать попроще — что-то молодое.

Теперь она ушла и горе увела.
Но горе было все, чем я жива была.

июнь 1945

* * *

Мне б вырваться хотелось из себя
И кем-нибудь другим оборотиться.
Чтоб я — хотя б на миг один! — была не я,
А камень или куст или синица.
Ведь куст не помнит города того,
Бездымных труб из моего окошка.
Он вообще не помнит ничего.
От памяти я отдохну немножко.
А там опять — в постылый, мертвый путь.
Иду, иду, иду — а все на месте.
Никак за угол тот не завернуть,
Где страшные меня настигли вести.

февраль 1946

* * *

С тех пор, как я живу ничья
В суровом вихре лет,—
Легко струится жизнь моя,
Но жизни больше нет.
Она осталась за чертой
Далекой той весны,
Улыбки той и песни той,
Что в прах превращены.

май 1945

* * *

И маленький глоток свободы на ночь
Из милой книги наскоро хлебнуть.
Усни, усни... Разбудят утром рано.
Закрыта книга. Пробую уснуть.
И вот пошло — заныла, закачала
Медлительная ласковая мгла,
И жизнь моя вся началась сначала,
Но не такой, какой она была.
Все те же камни, те же волны, птицы,
И обещанья шумные лесов.
Но властью сна дано осуществиться
Пророчеству нестройных голосов.
Любовь не раной, а самой любовью.
Доверчиво она не ждет конца.
И слава наклонилась к изголовью,
В тюремной тьме не кутая лица.
И прежний дом мне стал, как прежде, домом,
В чьи окна мне не боязно взглянуть,
И не до слез, а просто мне знакомым
По милым улицам к нему обратный путь.
Не ужас там живет и слова просит.
Там девочки глаза, а не тоски.
Но тут рассвет свои поправки вносит,
И новый день меня берет в тиски.

1946

* * *

Я очень устаю от телефона,
От радио, от злости за стеной.
А мне бы на губах волны соленой
Невкусный вкус, когда кипит прибой.
А мне бы пышный шум сосны зеленой,
Колдующей над бедной головой.

Они еще над морем вьются, чайки,
Крылатые подруги парусов.
В прибрежной роще птенчики-всезнайки
Галдят и падают в дремучий лес цветов.
И по камням, торчащим на лужайке,
Плывут, как прежде, тени облаков.

1946

* * *

Какую я очередь выстояла —
Припомнить и то тяжело,
Какой холодиной неистовую
Мне бедные руки свело.
Какими пустынными стенами
Сквозь шум городской он пророс,
Далекими, смутно-знакомыми,—
Бензином пропахший мороз!
Какие там мысли обронены
И ветром гудят в проводах.
Какие там судьбы схоронены
В широких безмолвных снегах.

1947

РАССВЕТ

М.

1

Уже разведены мосты.
Мы не расстанемся с тобою.
Мы вместе, вместе — я и ты,
Сведенные навек судьбою.
Мосты разъяты над водой,
Как изваяния разлуки.
Над нашей, над твоей судьбой
Нева заламывает руки.
А мы соединяем их.
И в суверенном королевстве
Скрепляем обручальный стих
Блаженным шопотом о детстве.
Отшатывались тени зла,
Кривлялись где-то там, за дверью.
А я была, а я была
Полна доверия к доверью.
Сквозь шопот проступил рассвет,
С рассветом проступило братство.
Вот почему сквозь столько лет,
Сквозь столько слез — не нарыдаться.
Рассветной сырости струя.
Рассветный дальний зуд трамвая.
И спящая рука твоя,
Еще моя, еще живая.

Куда они бросили тело твое? В люк?
Где расстреливали? В подвале?
Слышал ли ты звук
Выстрела? Нет, едва ли.
Выстрел в затылок милосерд:
Вдребезги память.
Вспомнил ли ты тот рассвет?
Нет. Торопился падать.

1940—1979

НАД КНИГАМИ

Каюсь, я уже чужой судьбою —
Вымышленной — не могу дышать.
О тебе и обо мне с тобою,
И о тех, кто был тогда с тобою,
Прежде, чем я сделаюсь землею,
Вместе с вами сделаюсь землею,
Мне б хотелось книгу прочитать.

1947

* * *

И не в тюрьме, и не в больнице —
На воле, на своих ногах.
Но дурно естся, трудно спится,
Не покидает душу страх.
Душа, его одолевая,
Как Зоя по снегу идет,
Своих тихонько призывая.

Но пуст холодный небосвод.

1948

* * *

И все-таки я счастлива бываю.
Не странно ли о счастье говорить?
Я путаюсь, сбиваюсь, я не знаю,
Каким стихом тебя определить.

Ты не весна. В холодное жилище
Давно уже нет доступа весне.
Ты не любовь. Меня испепеливши,
Любовь забыла думать обо мне.

Спокойно, друг! Спокойнее дыханье,
Хотя дышать чем дальше, тем больней,
Хотя судьбы ясны предначертанья...

За ясность я и благодарна ей.

1950

* * *

...Но бешенством звонка пренебрегая,
Советами друзей не дорожа,
Я слушаю, как песенка другая
Под снегом дышит, тайно ворожа.
Благодарю, колдунья дорогая,
Снегов, пространств упорная душа!

Не назову тебя высоко: «лира»
Или «цевница». Дело не в словах!
Ты дальний отзвук тишины и мира
В моих слыхавших грохоты ушах.
А впрочем, что ж! Подхватим песню, лира,
Пока звонок не прозвенел в дверях.

Нам долго ль петь? Того никто не знает.
Нам каждая минута дорога.
То реченька тихонько набухает
И растопляет мутные снега.
И соснами, и кручами играет
И в синеве купает берега.

1951

* * *

В один прекрасный день я все долги отдам,
Все письма напишу, на все звонки отвечу,
Все дыры зачиню и все работы сдам —
И медленно пойду к тебе навстречу.
Там будет мост — дорога из дорог —
Цветущая большими фонарями.
И на перилах снег. И кто б подумать мог?
Зима и тишина, и звездный хор над нами!

1947

IV

СНОВА МАЛЕЕВКА

Четыре ели великанши,
Четыре хмурые сестры
Молчат все там же, где и раньше,
На склоне медленной горы.
И тишиной усыновленный
Все так же тикает движок,
Что для меня во тьме зеленой
Свет ранний в деревьях зажег.
И я иду, глазам не веря.
А даль все так же хороша.
Закат распахивает двери
Во что-то глубже, чем душа.
И, повинясь приказанью,
Гляжу без боли и без слез,
Разоружив воспоминанья,
На тени светлые берез.

1953

* * *

...И этот страшный, желто-черный,
Изглоданный страданием лик.
Лежит в неподвижности упорной
Сердитый маленький старик.
Скорей забыть и лба покатошь
(О, ты ли это, бедный друг?),
И этих губ запавших сжатость,
И ледяную тяжесть рук.
(Да, эти губы много лгали,
Когда случалась в том нужда,
Прежде чем сжались и запали
И замолчали навсегда.)
И помнить только лес — и нежный
Деревьев первозданный дым,
И голос твой — горячий, прежний,
Задором полный молодым.

* * *

...Опять чужая слава
Стучит в окно и манит на простор.
И затевает важный, величавый,
А в сущности базарный разговор.
Мне с вашей славой не пристало знаться.
Ее замашки мне не по нутру.
Мне б на твое молчанье отозваться,
Мой дальний брат, мой неизвестный друг.
Величественных строек коммунизма
Строитель жалкий, отщепенец, раб,
Тобою всласть натешилась отчизна, —
Мой дальний друг, мой неизвестный брат!
Я для тебя вынашиваю слово.
День ото дня седеет голова.
Губами шевелю — и снова, снова
Жгут губы мне, не прозвучав, слова.

январь 1953

«ЛЕНИНГРАД — МОСКВА»

...А рядом боль моя лежала,
В той старой папке, в стороне.
А мимо родина бежала,
В глаза заглядывая мне.
Она не пристально глядела.
Так, мимоходом, васильком
Да огоньком. Ей много дела
В дому не прибранном своем.
Со стен смывает крови пятна
(Для новых пятен, может быть).
Из недр ведет сынов обратно
(Не всех успела пристрелить).
И снова, как во дни былые,
Во дни застенка и войны,
Не до меня моей России —
Мои ей боли не больны.
Но где-то там, за поворотом,
Там, там, ручаюсь головой,
За пропастью, за горным взлетом,
За кладбищем верней всего —
Она разыщет папку эту
И боль своею назовет
И голосом, подобным свету,
Мои слова произнесет.

1956

ЕЩЕ МОГУ

(1962—1965)

1

...Но я еще помню живого простора громаду.
«Правее!» Большая рука на моей на весле.
Какой-нибудь час, и мы подойдем к Ленинграду.
Руке моей больно в мозолистом, жестком тепле.

2

А друзья еще живы.
Еще руки теплы, голоса еще молоды,
Еще можно кого-то обрадовать:
«Это я говорю, это я!»
Торопись дозвониться
И, за руки взявшись, уехать из города.
Торопись повидаться.
Они еще живы, друзья.

3

И те дома еще стоят
На том же самом месте,
И те мосты еще летят,
Где мы бродили вместе,
И я на том же берегу,
Где та волна бурлила,
Еще могу, еще могу
Потрогать те перила.

А ночью мне приснился ты
В обличье прежнем. Ты ли, ты ли?
Мы поднимались на мосты,
Стихов на гребни восходили.
По набережным, площадям
Мы шли стихами, как попало,
И девочка навстречу нам
Живую рифмой выбегала.

* * *

И что-то страстное, родное
В наивном очертанье губ.
И нежно-властное — такое,
Как пенье, как рыданье труб.
И как звезда, как дань гордыне,
Серебряная седина,
Которой рано, рано ныне
Вознаграждает нас страна.

* * *

Однажды ты проснулся
И вспомнил невпопад,
Как он рыдал и гнулся,
В ногах валяясь, сад,
И клики электричек,
И немоту моста,
И имя «Беатриче!»,
Обжегшее уста.
И сразу стали прахом
Подруга, стол и стул.
И ты единым махом
Окошко распахнул.
Ты принял быль за небыль?
А быль была. Ну что ж!
Она зовет на небо,
И ты за ней пойдешь.

28 ОКТЯБРЯ 1958 ГОДА

Я шла как по воздуху мимо злых заборов.
Под свинцовыми взглядами — нет, не дул, а глаз.
Не оборачиваясь на шаги, на шорох.
Пусть не спасет меня Бог, если его не спас.
Войти — и жадно дышать высоким его недугом.
(Десять шагов до калитки и нет еще окрика: «стой!»)
С лесом вместе дышать, с оцепенелым лугом,
Как у него сказано? — «первенством и правотой».

Переделкино

СЕРДЦЕ НОЧЬЮ

1

Затихает город за окном.
Звук трамваев тихо умирает.
Ну а сердцу это нипочем.
Все равно оно не засыпает.
Все стучит, стучит, зовет вперед
Раненое, загнанное тело.
Ни за что укрыться не дает
В сон — куда я так спастись хотела!

1946

Москва

2

Протяжный шорох отдаленный:
За лесом поезд пролетел.
Там кто-то, как и я бессонный,
Пытает тьму про свой удел.
Но там огнями и огнями
Ему откликнется стекло.
Здесь лес и я. И между нами
Молчанье ночи залегло.

1960

Переделкино

Все спешит, спешит, спешит и ухаёт.
Хватит, сердце! Слишком много лет.
Словно колокол в груди беззвучно бухает.
Звука — нет.
Все спешит, спешит, спешит, торопится.
А куда? На человеческий суд?
Каждый перед нами посторонится:
Гроб несут.

февраль-март 1973

ПОПЫТКА ЛЮБВИ

(1955—1962)

1

От звонка до звонка
 Я живу, словно лагерным сроком.
И большая рука
 Прикоснется к моей ненароком.
И большие слова
 Прозвучат на прощанье в передней.
И болит голова
 От несбыточных сбывшихся бредней.

2

Это сердце устало,
А не я.
Я-то жива еще.
У меня еще ночи и дни впереди.
Я опять начинаю сначала
Старую песню.
Молча прошу тебя:
«Не уходи».

3

Сердце сахаром кормить,
Капельки на сахар капать.
Не звонить. Не ждать. Не плакать.
«Не расстраиваться». Жить.

Проку в этом никакого
Я не вижу, милый друг.
Жизнь — безжизненное слово.
Ты сказал пустое слово.
Опустело все вокруг.

Снова жить и верить снова?

Нет.

Но ничего другого
Не придумать, милый друг.

4

И каждую секунду забывая,
Зачем пришла сюда, зачем открыла газ,
Хватаясь за стены, за двери, как больная,
Я вдруг воды под краном напилась
И вспомнила, что я не пить хотела,
В десятый раз не чайник вскипятить,
А положить предел—ведь боли нет предела—
И газом жажду утолить.

5

Я не в окно гляжу — в свою судьбу.
Я трезвость утра прижимаю к лбу.
Ведь нелюбви твоей она сестра —
Квадратная законченность двора.

* * *

Я никем не хранима.
Я только судьбой хранима.
И если бомба мимо,
И черный ворон мимо —
Это *она* захотела
Сберечь мою душу и тело
Для какого-то дела,
Мне неизвестного дела...
Это *ее* дело.

декабрь 1961

* * *

Летит, серебрится снежок.
Квадратная ходит лопата.
Опять этот нежный ожог —
Снег, неба с землею расплата.
За праздно пролѣтую кровь
Не будет ни мзды, ни прощенья.
Небесная сыплет любовь —
Снег, белое это забвенье.

1965

Москва

* * *

И наконец самой собою
Я заслужила право быть.
Стучать о стенку головою,
Молиться или просто выть.

Надежда — поздно, слава — поздно,
Все поздно, даже быть живой...
Но, Боже мой, как звездно, звездно...
Лес. Я. Звезда над головой.

август 1966

* * *

Научись улыбаться в остроге
(«А до смерти четыре шага»)
С неумышленной мыслью о Боге,
С неупомненной строчкой стиха,
С ненадежной надеждою зыбкой —
Помереть, так уж лучше во сне,
С незаслуженной встречной улыбкой
Щедрой — вдруг обращенной ко мне.

* * *

Мы опять повстречались, деревья и снег!
Я люблю вас, пушистые ветки.
Одиночество — словно родной человек.
На сугробах колючки и метки.
Мы с тобою еще помолчим, тишина!
Белым снегом умоемся, совесть!
По следам разберемся, про что там она —
Пережитого вьюжная повесть.

1971

V

ГОД
ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

1

А здесь, наверно, хорошо лежать.
 Как до рожденья или в колыбели,
Когда еще *до* жизни птицы пели,
 И *после* жизни — спи! — поют опять.

2

В домике скворца живут бельчата
На березе, за твоим окном.
Ты на них поглядывал когда-то,
Поднимая руку над письмом.
 И береза излучает свет
 Глаз твоих, которых больше нет.

3

Одна в глубоком обмороке
 Немых ветвей.
Одна в глубоком сумраке...
 Ответь! Повей!

.

Снег черный. Не из ада ли?
Гроб на земле. В гробу
Ты. И снежинки падали,
Не таяли на лбу.

Зачем же ты притворствовал
Как будто неживой,
И нечисти потворствовал,
Кружившей над тобой?

VI

* * *

Облить себя бензином.
Поджечь себя, как факел.
Мальчишка рот разинул,
А бородач заплакал.

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Чтобы вражья сила
Огонь не погасила.

1979

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ
(1973—1975)

1

Аэродром похож на крематорий.
В обоих по два «эр» и горе, горе, горе...
Но есть отличие от похорон:
Покойник жив и в судорогах он.

2

Россия уезжает из России...
«Счастливый путь! И даже навсегда —
Счастливого пути!»
А нам — беда.
Но и беда не чья-нибудь: России.

* * *

Ежедневные обряды
Разудалых похорон.
За него мы рады, рады!
Сколько настрадался он!
Хорошо, что он спасен!

Рюмок звон, гитары звон.

Впереди работа, слава
И достаток, может быть.
И оправданное право:
 Быть.

1975

ДОМ

Отцу

1

Дом притворился обитаемым —
Притворный дом, обманный дом.
Давно покинутый хозяином,
Когда-то обитавшим в нем.
Мне просто не хватает мужества
Под вечер музыку включить.
Она сосредоточье ужаса,
С ней рядом невозможно жить.
Она поставит под сомнение
Все, даже память о былом.
И рухнет он в одно мгновение —
Объятый музыкаю дом.

май—декабрь 1975

2

В этом доме я могу повеситься
На гвозде любимой фотографии.
Каждая ступенька этой лестницы
Пострашнее вашей грозной мафии.

1975

Ночные поиски очков
 Посреди подушек жестких.
 Ночные призраки шагов
 Над головой — шагов отцовских.
 Его бессонницы и сны,
 Его забавы и смятенья
 В причудливом переплетенье
 В той комнате погребены.
 А стол его уперся в грудь
 Мою — могильною плитою,
 И мне ни охнуть, ни вздохнуть,
 Ни встать под тяжестью такою, —
 Под бременем его труда,
 И вдохновения, и горя,
 И тех легчайших дней, когда
 Мы, босиком, на лодке, в море.

1980

Я еще на престоле, я сторожем в доме твоём.
 Дом и я — есть надежда, что вместе мы,
вместе умрем.
 Ну, а если умру я, а дом твой останется жить,
 Я с ближайшего облака буду его сторожить.

1983

* * *

Я разлюбила дружбу и друзей.
Нет, не друзей, а что-то, что-то, что-то...
Какая-то своя, своя забота
Меня отъединяет от людей.

Не по руке урок мне. Помогите.
Я помощи прошу, а не похвал.
Темным-темно, услышьте! помогите!

А если недосуг вам — отойдите.
И дальше, дальше, даже убегите!..

Я помашу тому, кто убежал.

1975

* * *

А счастье — это голоса
Любимых в комнате соседней.
В последний раз или в предпоследний
Моих любимых голоса.

* * *

Живем, не разнимая рук.
Опасности не избегая.
Обыденное слово «друг»
Почти как «Бог» воспринимаю.

Увы, все реже на пороге
Хранительные эти боги.

декабрь 1974

СЛУШАЯ РАДИО

На Олимпийских играх в Монреале
Кому-то первенства не удержать.
Кому-то не дали. Кому-то дали.
Олимп! А я? Ни плавать, ни бежать!

Другой игрой в монастыре зеленом
Я занята под грохот тишины.
И присягала я не стадионам.
Мне никаких медалей не должны.

1976

О ЗАКОННЫХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

А. Д. С.

Голубоглазое молчанье,
Мощь одинокой тишины.
И расстоянье, расстоянье,
Которым мы разделены.

Как от земли и до луны.

Заговорил — и прозвучали
Слова отваги и печали.

И не хватало, не хватало
Лишь мученического венца.
И время, вот оно, настало
Для мученического конца.

Сегодня-завтра он наступит,
Очей угаснет синева.
И вот когда бессмертье вступит
В свои законные права.

1976

* * *

Ч.

И этот нежный твердый голос —
Моя отрада и беда.
И этот бедный тонкий волос,
Седеющий в чаду труда.
И эта сеть больных морщинок
Близь некогда огромных глаз.
И этот смертный поединок —
В который раз.

* * *

Маленькая, немощная лира.
Вроде блюдца или скалки, что ли.
И на ней сыграть печали мира!
Голосом ее кричать от боли.
Неприметный голос, неказистый,
Еле слышный, сброшенный со счета.
Ну и что же! Был бы только чистый.
Остальное не моя забота.

1968

«ПРО ЭТО»

1

Разлука ты, разлука.
Всегда и навсегда.
Заплеванная мука,
Запетая беда.
Шел дождь. Кончалось лето.
На лужах пузырьки.
В который раз про это
Слагаются стишки.

2

То был последний звук
Умолкнувших речей,
Движенье быстрых рук
И медленных плечей.
В смятении душа
Внимала тем речам,
И лифт, слегка шурша,
Скользил по этажам.
Губами б в этот миг
Коснуться тяжких век,
Когда к руке приник
Несчастный человек.

1970

* * *

Сверкнет, начищенный до блеска,
Валютный купол в небесах,
Над злым раззором деревенским
Подъемля красоту и страх.
Сияя искреннею верой
И показухой золотой...
Нет, лучше купол неба серый
Над серой, серой, серой, серой,
Над Богом брошенной землей.

1975

* * *

«... И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!»
Я помню свой первый, свой детский испуг
И страшную рифму: «застенок».
И тень этой рифмы легла на пути...
Но странный у тени оттенок —
Я знаю: застенок мне легче снести,
Чем: отдал меня за бесценок.

1976, 1985

* * *

Я как скорую помощь
Вызываю из небытия
Твою память на помощь,
Твою память, что я — это я.
Может, это поможет
Сквозь позор немоты,
Может, вспомнить поможет
Мне, что ты — это ты.

январь 1976

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ЯКОБСОНА

1

Стихи. Лубянка. Передзимье.
Передразлучье. Спички. Сор.
О родине и о чужбине
И вслух и молча разговор.

2

Вы с нами ехали или одни?
Домой Вы ехали или из дома?
А впереди заздравные огни,
Загробные огни аэродрома.
По очереди все мололи вздор.
«Бензину, что ли, выпить после водки?»
Вы вслушивались в глупый разговор,
Переводили с губ на губы взор,
Как будто бы из-за перегородки.
И вот оно: шоссе, деревья, мост.
Молчание теснило всех в машине.
Разлука поднималась в полный рост.
Вы озирались, словно на чужбине.
А я ждала. Бог весть чего. Свистка
Орудовцев. Сама не знаю. Чуда.
У Вас в руке дрожит моя рука
(Рукопожатье *через* и *оттуда*).

У Вас в руке моя рука, кольцо...
И синий камень дарит Вам сиянье.
Но вглядывались Вы в мое лицо
Уже как бы с большого расстоянья.

1973

3

Дай, я сотру эти синие пятна!
 Краше без них.
Вот и пришел ты домой, обратно —
 В прозу, в стих,
В страстномечтаемую прохладу
 Лéса. Реки́.
Преодолев наконец надсаду
 Писем. Тоски.
Желтых песков пустой пустыни
 Камень. Зной.
Только зачем же ты в домовине?
Дай мне проститься с тобой в домовине!
На полпути из твоей пустыни
 Домой.

1978

* * *

Огражденная музыкой,
Награжденная белым жасмином,
Я живу в ожидании,
Когда срок, мне назначенный, минет.
Слишком долгоиграющей
Показалась мне эта пластинка.
Запинающейся, ускользающей —
Паутинка, былинка, пылинка.

август 1978

МУЗЫКА

М.

1

Я музыкой жива. Она сестра разлуки.
Последний взмах — нет, не смычка, платка.
В последний раз расставшиеся руки,
И окна, тронувшиеся без звонка.
И пауза — во всю длину перрона
(Светлым-светло, а не видать ни зги).
И у покачивающегося вагона
Карениной предсмертные шаги.

1979—1981

2

Отмыкай мою душу скрипичным ключом.
Где же флейты?
Паровозных гудков заглуши несмолкающий вой.
Никогда не поверю, хоть режь ты меня,
хоть убей ты,
Никогда не поверю, что мертвый ты, а не живой.
Вынимай мою душу из мрака сырого колодца.
(Вот и скрипка вступила и труб неподкупная медь.)
Выручай мою душу — за нее еще стоит бороться,
За нее еще стоит, владея смычком, умереть.

1981

* * *

Я умерла, а диктор продолжает
Вещать из Лондона: Родезия, футбол...
Мир жив и диктор жив.
Я умерла. Об этом — в «Новостях».

1976—1980

* * *

Я обойдусь без судоговоренья.
Без радиовещательных затей.
Сочувствий без и без столпотворенья
Добра и зла у немоты моей.
Рассвет, рассвет! Остайся лучше тьмою.
Лучей своих не засылай сюда!
И если ты назначен быть судьбою,
Уж лучше будь расстрелом без суда.

1980

СВЕРСТНИКУ

С каждой новой могилой
Не смиренье, а бунт.
Неужели, мой милый,
И тебя погребут?
Четко так молоточки
Бьют по шляпкам гвоздей.
Жизни точные точки
И твоей и моей.
Мы ведь сверстники, братство
И седин и годин.
Нам пора собираться:
Год рожденья один.
Помнишь детское детство?
Школа. Вместе домой.
Помнишь город в наследство —
Мой и твой, твой и мой?
Мерли кони и люди,
Глад и мор, мор и глад.
От кронштадтских орудий
В окнах стекла дрожат.
Тем и кончилось детство.
Ну а юность — тюрьмой.
Изуверством и зверством
Зрелость — тридцать седьмой.

Необъятный, беззвучный,
Нескончаемый год.
Он всю жизнь, безотлучный,
В нашей жизни живет.
Наши раны омыла
Свежей кровью война.
Грохотала и выла,
Хохотала она.

...О чистые слезы разлуки
На грязном вагонном стекле.
О добрые, мертвые руки
На зимней промерзшей земле...

«Замороженный ад» —
Город-морг, Ленинград.

Помнишь смерть вурдалака
И рыданья вослед?
Ты, конечно, не плакал.
Ну и я — тоже нет.
Мы ведь сверстники, братья.
Я да ты, ты да я.
Поколенью объятья
Открывает земля.
Поколенью повинных —
Поголовно и сплошь.
Поколенью невинных —
Ложь и кровь, кровь и ложь.
Поколенью забытых
(Опечатанный след).
Кто там кличет забытых?
Нет и не было! Нет!

Четко бьют молоточки.
Указанья четки:

«У кого там цветочки?
Эй, давайте венки!»
В строй вступает могила.
Все приемлет земля.
Непонятно, мой милый,
Это ты или я.

март-апрель 1984

* * *

Вот так же будут на могиле
Сходиться и мои друзья,
Печалюсь, что меня зарыли
И услыхать меня нельзя.
И так же будут торопиться
На электричку, по делам,
И впечатленьями делиться
От новых радиопрограмм.

1983—1986

* * *

Я не Богу молюсь, я молюсь мертвым.
Утолите, молю, мои печали.
Бог не знает меня, он парит гордо.
Бог не знает меня, а вы — знали.

1977

* * *

— Здравствуй, гадкий утенок! Что ты помнишь
и что ты забыл?
Помнишь козни судьбы и ее невеселые шутки?
О, как медленно длилось прорастание белое крыл
И как больно клевали тебя плосконосые утки!
— Я не помню уже никого, ничего, никого!
И к чему вспоминать? Не под силу мне это усилье!
И Бетховен и Шуман торжествуют свое торжество,
Взяли ношу мою всемогущие крылья.

1979—1983

* * *

Ночь каждая — как горный перевал.

Вдруг камень оборвется под ногами,
И я лечу в пустыню диких скал,
Которые казались облаками.

Река Сестра. Я через речку вплавь.
О, «кто есть кто» среди здешних поселенцев?
Свидание! Как страшно бьется сердце...
«Живые с мертвыми.» Сон это или явь?

Врач капельки мне рекомендовал,
Чтоб я не путала живых и мертвых.
И впрямь к утру все виденное стерто.

Ночь каждая — как горный перевал.

1990

* * *

Марши Петровых

...А наверху, на облаке,
Белокрылое шло собрание.
И приняли Марью Сергеевну
Единогласно в ангелы.
И Анна-Россия грозная,
И Анна-Россия бесслезная
От умиленья заплакала.

* * *

Мой день расчислен по минутам.
Но что теперь мне делать с ним —
С удавом этим, с этим спрутом,
Со днем расчисленным моим?

Тáк дней теперь осталось мало,
Что не поймешь, куда спешить?
За что хвататься? За начало?

Когда минут я не считала,
Когда растратчицей бывала,
И это называлось — жить...

1983

* * *

Лыжная тропка спустилась к реке,
Белая в белом.
Что мне сказать на моем языке,
Оледенелом?
Зов тишины словно отзвук струны,
Тронутой где-то.
Самая здесь белизна белизны
Белого света.

НЕИЗВЕСТНОМУ

Как символ неприкосновенности
Нетронут, распростерся снег.
Как символ предрешенной верности
Придет по снегу человек.
Он валенки охлещет веником
И переступит мой порог
Моим великим современником,
Который не придти не мог.

13 декабря 1979

Перedelкино

* * *

«Поезд ушел, — мне говорят. —
Ты опоздала.»
Что ж! Поплечусь помаленьку назад
Прочь от вокзала.
Я возвращаюсь к тебе, тишина,
С содранной кожей.
Тихо. И вдруг отвечает она:
«Тоже. негоже».

СОДЕРЖАНИЕ

«И вот на посмешище мира...» 3

I

«..А то во сне придет и сядет...» 7

«Бессонницу благославляю...» 8

«Вот и кончился отдых. Опять я в миру, на ветру...» 9

Ответ 10

«Нам слово *гибель*, узкое и злое...» 11

«О прислушайся, друг мой, и ты в тишине различишь...» 12

«Консервы на углу давали...» 13

«Быть может, эта береза...» 14

II

«Я рад, что Вы еще в тепле...» 17

«Опять уходит за порог...» 18

«Будто бы под наркозом...» 19

«Как странно, есть еще живые...» 21

«Ташкентские розы в кокетливо-хрупком снегу...» 21

«Уже ни о чем на свете...» 22

«Ну что ж, приходи, приходи, я тебя поджидаю...» 23

«Вишни все в цвету. Весна...» 24

«На чужой земле умереть легко...» 25

Бессмертие

1. «И снова карточка твоя...» 26

2. «Ты нищих илешь, но и они немеют...» 26

3. «Но пока я туда не войду...» 26

«Оно ведь с тобою, твое безысходное счастье...» 28

«Я никогда не вернусь домой...» 29

Осень 30

В тифу 31

Отрывки из поэмы 32

III

В метро	41
«Уже я предалась покою...»	42
«В трамвае, запечатанном морозом...»	43
«Как на ладони, как на блюде...»	44
«Переулками в библиотеку...»	45
«Изранены крылья, повисли...»	46
«Слово <i>мир</i> — а на душе тревога...»	47
«Среди площадной и растленной...»	48
«Мы расскажем, мы еще расскажем...»	49
«Теперь я старше и ученой стала...»	50
«Мне б вырваться хотелось из себя...»	51
«С тех пор, как я живу ничья...»	52
«И маленький глоток свободы на ночь...»	53
«Я очень устаю от телефона...»	54
«Какую я очередь выстояла...»	55

Рассвет

1. «Уже разведсны мосты...» 56
2. «Куда они бросили тело твое? В люк?...» 57

Над книгами	58
«И не в тюрьме, и не в больнице...»	59
«И все-таки я счастлива бываю...»	60
«...Но бешенством звонка пренебрегая...»	61
«В один прекрасный день я все долги отдам...»	62

IV

Снова Малсевка	65
«...И этот страшный, желто-черный...»	66
«...Опять чужая слава...»	67
«Ленинград—Москва»	68

Еще могу (1962—1965)

1. «...Но я еще помню живого простора громаду...» 69
2. «А друзья еще живы...» 69
3. «И те дома еще стоят...» 69
4. «А ночью мне приснился ты...» 70

«И что-то страстное, родное...»	71
«Однажды ты проснулся...»	72
28 октября 1958 года	73
Сердце ночью	
1. «Затихает город за окном...»	74
2. «Протяжный шорох отдаленный...»	74
3. «Все спешит, спешит, спешит и ухает...»	75
Попытка любви (1955—1962)	
1. «От звонка до звонка...»	76
2. «Это сердце устало...»	76
3. «Сердце сахаром кормить...»	76
4. «И каждую секунду забывая...»	77
5. «Я не в окно гляжу — в свою судьбу...»	77
«Я никем не хранима...»	78
«Летит, серебрится снежок...»	79
«И наконец самой собою...»	80
«Научись улыбаться в остроге...»	81
«Мы опять повстречались, деревья и снег!»	82

V

Год тысяча девятьсот шестьдесят девятый	
1. «А здесь, наверно, хорошо лежать...»	85
2. «В домике скворца живут бельчата...»	85
3. «Одна в глубоком обмороке...»	85

VI

«Облить себя бензином...»	89
Два четверостишия (1973—1975)	
1. «Аэродром похож на крематорий...»	90
2. «Россия уезжает из России...»	90
«Ежедневные обряды...»	91
Дом	
1. «Дом притворился обитаемым...»	92
2. «В этом доме я могу повеситься...»	92
3. «Ночные поиски очков...»	93
4. «Я еще на престоле, я сторожем в доме твоём...»	93

«Я разлюбила дружбу и друзей...»	94
«А счастье — это голоса...»	95
«Живем, не различая рук...»	96
Слушая радио	97
О законных правах человека	98
«И этот нежный твердый голос...»	99
«Маленькая, немощная лира...»	100
«Про это»	
1. «Разлука ты, разлука...»	101
2. «То был последний звук...»	101
«Сверкнет, начищенный до блеска...»	102
«...И много, зная, верных у Курбского слуг...»	103
«Я как скорую помощь...»	104
Памяти Анатолия Якобсона	
1. «Стихи. Лубянка. Передзимье...»	105
2. «Вы с нами ехали или одни?...»	105
3. «Дай, я сотру эти синие пятна!..»	106
«Огражденная музыкой...»	107
Музыка	
1. «Я музыкой жива. Она сестра разлуки...»	108
2. «Отмыкай мою душу скрипичным ключом...»	108
«Я умерла, а диктор продолжает...»	109
«Я обойдусь без судоворенья...»	110
Сверстнику	111
«Вот так же будут на могиле...»	114
«Я не Богу молюсь, я молюсь мертвым...»	115
«— Здравствуй, гадкий утенок!..»	116
«Ночь каждая — как горный перевал...»	117
«...А наверху, на облаке...»	118
«Мой день расчислен по минутам...»	119
«Лыжная тропка спустилась к реке...»	120
Неизвестному	121
«Поезд ушел, — мне говорят...»	122

Лидия Корнеевна Чуковская
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Е. Ефимов*
Художник *Владимир Медведев*

Снимок на обложке сделал
Павел Киссин

Технический редактор *О. Глушкова*
Корректор *Е. Чистякова*

Подписано в печать 15.04.92.
Формат 70×108¹/₃₂. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 2,05.
Тираж 5000 экз.

Малое издательское предприятие «Горизонт»
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8
Зак. 594. Типография ВВЦ

МОСКВА • **ГОРИЗОНТ** • 1992